

против национально-освободительного движения других стран.

Повидимому, иностранные союзники Кагановича — да может быть и его внутри-русские союзники — считают его самого недостаточно сильным и авторитетным для руководства «решающими боями» и во внутри-русском и, тем более, в международном масштабе. Нужна более сильная, более опытная рука — особенно для заграничной работы. Кто же иной, как не Троцкий!? Не отсюда-ли — воскрешение Троцкого? Не отсюда-ли — его копенгагенская поездка?

«Революция — это искусство», говорит Троцкий. Его и пригласили, как мастера искусства революции. Не он-ли должен — посредственно или непосредственно — помочь разгромить русские силы в России? Не он-ли должен подтолкнуть, направить по правильному руслу подготовку коммунистической революции в Германии? Затем,

может быть, и в каких либо иных странах. Вот почему те же самые социал-демократы, которые несколько лет назад, стоя у власти в Германии, отказали Троцкому в визе, — теперь провезли его, не останавливаясь перед трудностями и затратами, по всей Европе: для совещания с ним соответствующих людей, для выяснения его условий, наконец, для оценки его нынешних сил. Ведь легко может статься, что «мастер революции» выдохся — и ни на что уже негоден...

Будущее покажет, удалась-ли копенгагенские смотрины, подошел ли Троцкий для предназначенной ему роли военного вождя объединенных сил интернационального марксизма. Настоящее-же (самим фактом этого «странного путешествия») говорит за то, что кагановичи и Россия и всего мира, повидимому, уже переходят в решительное наступление.

С. Дмитриевский.

„независимая“ манчжурия

Итак, Манчжурия объявлена независимым государством. Ввоз из Китая облагается пошлиной, передвижение из Китая или в Китай затруднено, организация почтово-телеграфного сообщения и управление железными дорогами находятся в японских руках, изменена денежная единица и т. д. Неземным остается только язык, попрежнему китайский, так как на нем только и изъясняется тридцатимиллионное китайское население Манчжурии (манчжурский язык, как известно, уже мертвый язык). Новым «независимым» государством номинально управляет несчастный отпрыск последней китайской династии, действительная же власть принадлежит японскому «полномочному послу», т.-е. в сущности военному генерал-губернатору, опирающемуся на многочисленные японские войска.

Трудно было бы намеренно придумать положение, которое больше компрометтировало-бы идею не только Лиги Наций, но и любых международных соглашений и договоров, которое настолько не оставляло бы

камня на камне и от Вашингтонского соглашения девяти держав, и от пакта Келлога, и просто от элементарных положений международного права, — как все то, что проделано Японией в Манчжурии среди бела дня, на глазах у всего, т. н. «культурного человечества». Тем не менее это так. Посмотрим, что же за реальные выгоды дало подобное положение Японии?

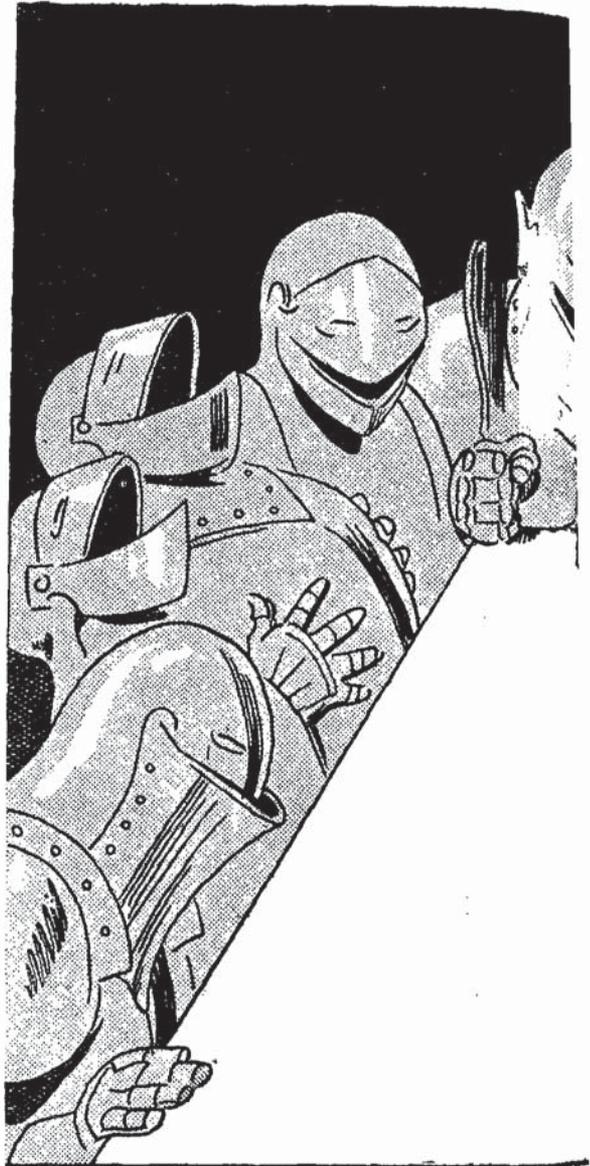
Прежде всего может казаться, что Япония приобрела возможность углубленной эксплуатации Манчжурии, как рынка для ввоза. Дешевые китайские фабрикаты из Шандуньского полуострова и из Шанхая теперь облагаются пошлиной и это должно бы увеличить шансы на ввоз японских товаров. Но для тех, кто близко знает характер китайского потребления в Манчжурии, ясно, что отделение от Китая вызовет к жизни рост китайской же домашней индустрии в Манчжурии и мало что прибавит к иностранному ввозу, да еще теперь, после пережитого краем беспримерного наводнения и при все возрастающем разорении земледельче-

ского населения из за непрекращающихся восстаний, грабежей и усмирений. Нельзя ждать и быстрого роста японской промышленности в крае. Фушунские копи, принадлежащие южно-манчжурской дороге, уже три года кряду сокращают, а не расширяют программу работ, несмотря на все поиски рынков для угля за пределами и Манчжурии, и Японии. Самое большее, что сейчас может быть создано, это сталепрокатный завод да рефрижераторы для мяса из Монголии, но и то единственно за счет японских государственных субсидий, так как на частный кредит не приходится рассчитывать ни вне, ни внутри Японии.

Гораздо более существенно то, что для Японии стало возможным безо всякой помехи и в срочном порядке построить стратегические железные дороги по оси Северная Корея — Чанчунь — Солунь — Хайлар, приближающей Японию к советской Монголии и обеспечивающей возможность надежного военного натиска, как на Тяньцзинь — Пекин — Шанхай, так и на Ургу — Кяхту, навстречу русским силам. Не приходится сомневаться, что важнейшие недостающие участки этих дорог, как Расин — Дунхуа и Чанчунь — Солунь, уже строятся, как и воздвигаются долговременные укрепления на стратегических пунктах по реке Сунгари, вниз от Харбина.

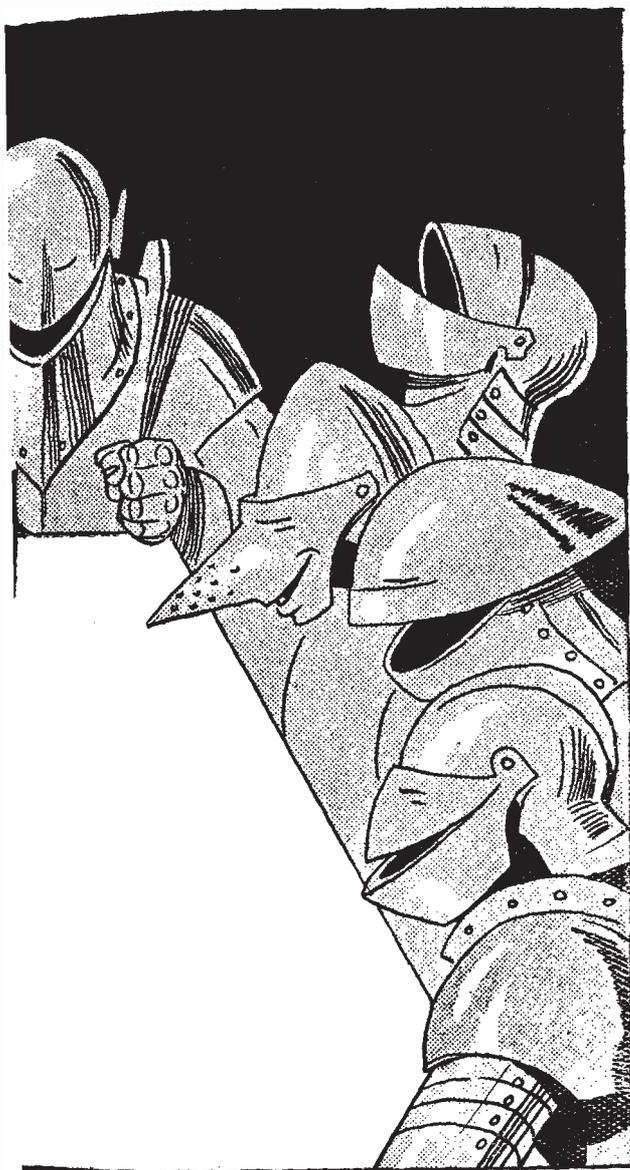
Этот несомненный успех Японии, по своему значению выходящий за пределы собственно-манчжурских интересов, находит свой противовес в следующих теневых сторонах положения.

Восстания и партизанщина вспыхивают поочередно то на востоке, то на Западе, то на юге Манчжурии. Поскольку дело идет о бунтующих «манчжурских» войсках, они все равно предназначались раньше или позже к замене японскими, так что «усмирение» их входит в планы Японии. Другое дело — партизанщина, развивающаяся из старых организаций «хунхузов». Хунхузские «неудовимые, вечно «возникающие из пепла» отряды существуют в Манчжурии с самого начала ее интенсивного заселения. В лесах и горах Гиринской и Хейлуцзянской провин-

ПАРАГРАФ О I

ая конференция

АЗОРУЖЕНИИ...

«Kladderadatsch»

ций, на самых гранях плодородных долин, а в разгаре лета и в чащах гаоляна вечно передвигается эта неуловимая и бесшабашная вольница, сумевшая, однако, издавна установить не только свою систему обложения земледелия и торговли, но и свои полицейские силы, поддерживающие порядок в облюбованной полосе. Но теперь это не тысячи, как раньше, а многие десятки тысяч, ушедшие в хунхузы прямо из рядов чжансюеляновских войск (рассеянных японцами) и принесшие с собою как жгучую ненависть к наследственному врагу, так и яркое сознание своего кровного родства со всем огромным китайским народом, живущим к югу от Шанхай — Гуаня, то-есть не под японским игом. Это обстоятельство на много лет вперед исключает возможность ввести в Манчжурии тот-же любезный Японии порядок вещей, что и в Корее, где японская полицейская регламентация так сильна, что даже длинные хозяйственные ножи (например, для убоя свиней) в точности зарегистрированы и вверяются только благонадежным корейцам — по одному на десятки семейств. Чтобы подчинить себе на столько-же китайское население Манчжурии, надо по крайней мере десяток-другой лет. А до того придется все только тратить, но не извлекать.

Если положение внутри Манчжурии включает в себе мало приятного, то международная обстановка, хотя она и не испытала еще резкого передела, также складывается все более неблагоприятно для Японии. Меньше всего, конечно, в этом повинен вырождающийся гоминдан, который сейчас больше, чем когда либо, блещет своим ничтожеством. Игру делают совсем другие силы. Антисоветский блок с Запада и с Востока, на который раньше ставила ставку Япония, решительно расстраивается. Вместо того, чтобы захватывать Владивосток и Читу, как события наверное обернулись бы, не случись японского выступления в Шанхае, приходится, наоборот, добиваться признания для «манчжурского независимого государства» со стороны СССР даже ценою уточнения советских прав на Китайско-Во-

сточную железную дорогу. Обсуждение Лиги Наций доклада комиссии Литтона совпадает по времени с переговорами между Соединенными Штатами и европейскими странами по вопросу о междугосударственных долгах. Надо полагать, что быть может не сразу, а после длительного и тяжелого торга, но Соединенные Штаты добьются серьезного дипломатического поражения Японии.

Вот эта то перспектива не может не беспокоить японские правящие круги. Что предпринять, если международная изоляция Японии станет свершившимся фактом? Реакция как общественного мнения, так и широких кругов армии или по крайней мере ее офицерского состава, будет крайне болезненной. Если бы обладание Манчжурией оказалось чудесным и быстро действующим целебным бальзамом для японского народного хозяйства, то стоило бы попытаться просто замкнуться в суровом одиночестве, чтобы, укрывшись экономические и социальные язвы, вернуться на международную арену омоложенным Фаустом, гордым своей силой. Но для такого исцеления надо было бы овладеть не Манчжурией, но всей долиной Яндзы, с Шанхаем и Ханькоу и не просто овладеть военным ударом, но владеть в спокойной обстановке, позволяющей привлечь к делу международный кредит. Однако, этого не дано. Между тем внутреннее положение Японии не улучшается, расстройство хозяйственной жизни все сильнее выражается в напряжении социальных отношений, повышенный тонус политических

чувствований неизбежно должен не замедлять, но звучать все яростнее. Движения в армии, «датунизм» и т. д. — все это, как и неожиданно-агрессивная позиция такого безукоризненно-либерального органа печати, как «Асахи», отражает все тот же процесс непрерывно нарастающего социального беспокойства. И если Япония должна будет покинуть Лигу Наций, то это обстоятельство вместе с неизбежным параллельным разочарованием в экономических результатах овладения Манчжурией, толкнет правительство на новые шаги и в новом направлении. Придется, стало быть, как то иначе и активно реагировать на дипломатическое поражение, т. е. сделать новый резкий жест, чтобы дать раздраженной и ежечасно все более разоряющейся стране какую то иллюзию удовлетворения. Такой жест — военный, разумеется — возможен в сторону как севера, так и юга. Но первый, даже в случае успеха, обещает только прибавить территории с трудностями неизмеримо горшими, чем в Манчжурии, а второй скоро привел бы от международной изоляции к торговой, а затем и военной блокаде Японии. Есть над чем призадуматься.

Ключ к положению в отношениях между Соединенными Штатами с одной стороны и Англией и Францией — с другой. К тому, как они сложатся, Япония вынуждена прислушиваться с напряженным вниманием. И ближайшие судьбы Манчжурии решатся скорее на берегах Атлантического, чем Тихого океана.

10/ХП. Прага.

Г. Танасов.

МАХАТМА ГАНДИ

В Индии война и революция. Она началась давно, почти непосредственно вслед за русской революцией 1905 года. Так что сейчас уже не парадокс, что Цусима для Англии может оказаться более чувствительной раной, чем была она для России. Цусима в глазах Востока осталась символом поражения не только русских, но вообще всех «белых чертей», всей «белой расы»; теперь же,

благодаря политике большевиков и в меньшей степени благодаря политике «государственных людей» современной Европы и Америки, русские перестали быть в глазах Востока «белой расой». Эта условная «белизна» утеряна ими в портах Гонконга и Шанхая, в паровозных трюмах для «цветнокожих», где русские эмигранты делили и труд, и досуг с китайскими «кули» и афри-